

Антропология как дисциплинарное знание: практическая точка зрения Иммануила Канта

Эпоха Просвещения создала особый тип индивида как атомарного субъекта культуры. Его нужды и интересы связывались с деятельностью разума в сфере теоретической, что вело к развитию наук, и в сфере практической, куда наряду с ремеслами и искусствами были включены мораль и право, а со временем, в порядке практического эксперимента, революция. Разумный эгоист, как деятельный, но и моральный представитель рода человеческого, по мере подавления аффективности своей природы способен был выявить скрытые в ней положительные возможности. Однако разум для атомарного человека мог направляться и не на себя самого, а на критику общества, в котором он существует, добираясь до основ цивилизации и культуры, как это делал Ж.-Ж.Руссо в своих трактатах или революционеры от Дантона и Демулена до Робеспьера. Французы не только в трактатах и энциклопедических проектах, но и с оружием в руках, «на деле», определяли границы человеческой свободы и выясняли свойства человеческой природы. Поэтому полагаю, что критика современными постмодернистами проекта Просвещения как попытки перестроить жизнь человека на основе разума не совсем верна. Век Просвещения, может и не желая этого, полагался не только на разум, но и на силу оружия.

Однако своего рода «антропологический поворот» в эпоху Просвещения случился не на хорошо разработанной почве французской энциклопедической философии и опытов рево-

люционного обновления человека, и даже не в среде английских либералов-эмпириков и моральных утилитаристов (Дж. Локк, Д. Юм и др.). Дальнейшее, «постпросвещенческое» определение человека в меняющемся на глазах одного поколения мире взял на себя кёнигсбергский мыслитель из самого восточного угла немецкой Европы. Речь будет идти об Иммануэле Канте, поставившем две взаимообусловленные задачи: критика философии и определение назначения человека. Его вопросы «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться?»¹ не привычны для метафизического философского ума того времени, они слишком определены и звучат очень лично. Более того, Кант позволил себе объединить все эти вопросы в один: *что есть человек?* Существует различие, и оно принципиально, между трактатами о человеческой природе (вообще) или о человеческом разуме и прямой постановкой вопросов: «Что я....? На что я...?». Кант, с очевидностью, понимает не столько теоретическое вопрошание философского ума, сколько совершенно прагматическую цель: *«научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком»*².

Прагматизм Канта особого свойства, он совсем не похож на удовлетворение сиюминутного интереса человека, погруженного в повседневные дела и заботы. Это прагматизм, связанный двумя традициями христианской европейской интеллектуальной культуры, в которой человек был представлен, с одной стороны верой в Бога, а с другой — законодательствующим (правовым и моральным) применением своего человеческого разума³. Знаменитейшее кантовское «звездное небо над головой» и «моральный закон во мне» продолжает ту же традицию. Относя человека одновременно к двум мирам, миру феноменальному (где господствует природная необходимость) и миру noumenальному (где человек свободен вследствие разумного применения морального закона «в себе»), Кант разрабатывает эту традицию в терминах и понятиях собственной философской системы. Свобода человека возможна, считает он, в применении практического разума, который основан на действии категорического императива как всеобщего и обязательного законодательства. Следует ему человек не по внешнему принуждению, а из чувства долга.

Человек как атомарное существо, каким он являлся в рассуждениях просветителей, способен пользоваться своим разумом. Но будучи подвержен также всем неразумным стихиям как природной, так и общественной жизни, и в силу этого ограничен в своей свободе, он должен быть, по мнению Канта, принципиально переосмыслен. В своих критических работах Кант путем логически выверенных размышлений определяет человека как обладающего автономией воли, базирующейся на автономии суждения⁴. Автономная воля действует в пространстве свободы, благодаря ей человек способен осуществлять свои действия согласно категорическому императиву, как высшему нравственному закону. Кантовский автономный человек не исключает, а, наоборот предполагает подчинение всеобщему благу других людей, но делает это не по принуждению, а свободно, включая в это сообщество и себя самого. Свобода для «автономного человека» необходима как условие морального поступка, однако условием возможности самой свободы является идея Бога, созданная самим разумом. И снова следует отметить связь идеи Бога (высший порядок) с порядком человеческим. По Канту, быть человеком значит чувствовать, мыслить и верить всегда в конкретных формах жизни. Человек осуществляет свою свободу как человек общественный: как гражданин в правовом государстве, как представитель человечества (осуществление человека как рода в истории), как участник всеобщего мира многообразных государств с их культурами. Многообразие этих форм расширяет внутреннюю свободу автономного человека, в силу чего «природная причинность не может овладеть человеком»⁵. Автономный человек всегда есть высшая цель и никогда не может быть средством в осуществлении чьих-то других интересов.

Эти соображения Канта, составляющие теоретическую основу его «Критик», сформировали в 70–80-е гг. XVIII в. совершенно новое понимание философии как критической науки. Однако причины для «антропологического поворота» (сам автор дает название своим новациям — «коперниканский переворот»⁶) крылись не только в отношении познающего человека к миру, который его интересует. Полагаю, не случайно в последние годы уходящего века Просвещения, как бы подводя его

итоги, Кант поднимает тему человека совсем по-новому. Его интересует, казалось бы, далекая от метафизических вопросов проблема устройства университетского образования⁷, которое может получить заинтересованный в науке и знаниях человек, это и отношения между факультетами, которые существуют в европейских университетах конца столетия. Как оказывается, последние — совсем не частный вопрос. Суть в том, что, разрешая его, Кант готовит следующий шаг — осмысление возможности новой дисциплинарности, необходимость строительства (в буквальном смысле слова) новых наук, в которых нуждаются люди, живущие в просвещенных государствах Европы. «Метафизические начала естественных наук», «Антропология», наконец, «Физика» (сохранена хронологическая последовательность в обращении Канта к этим вопросам в 1798 г.) — вот те контуры новых построек, которые должны будут усовершенствовать Европейский Университет, чтобы он соответствовал духу и потребностям времени. Существенно, что все эти знания традиционно входили в область философии и теперь должны были дисциплинарно определиться, очевидно, со временем отделяясь от этого факультета (семи свободных искусств), как базового, каким он был еще со времени средневекового университета. «Процесс дифференциации наук происходил стремительно, — пишет современный исследователь этой проблемы, — на глазах Канта натуральная философия и так называемая естественная история, распадаясь на отдельные специальные области знания, уходили в прошлое. Наука превращалась в профессиональное занятие, способное изменить весь уклад жизни общества. Хотя и медленнее, но совершенно аналогичный процесс осуществлялся в области гуманитарных наук»⁸.

* * *

В данной статье нас будут интересовать размышления Канта лишь об одной дисциплинарной области — антропологии, самым полным образом отразившие новые возможности интеллектуальной Европы в осознании потребности качественно иных знаний, представленных в дисциплинарно систематиче-

ской форме относительно человека. Понимание антропологии как самостоятельной дисциплины, основанной на практической точке зрения, есть результат плодотворной работы И.Канта конца 1790-х гг.

1798 г. стал годом завершения длительных размышлений, результатом которых явились две связанные между собой работы «Спор факультетов» и «Антропология с прагматической точки зрения», в которых исследование человека в системе трансцендентальной философии как существа, имеющего двойную природу, метафизическую и физическую, переводится совсем в иную, «прагматическую» область⁹.

В трактате «Спор факультетов», составленном из трех ранее самостоятельных работ, Канта интересуют вопросы взаимодействия социальных институций, факультетов университета и правительства как ответственных за состояния гражданского общества, в которых участвует человек. Причем, что существенно, Кант ставит вопрос о взаимодействии и взаимоотношении этих институций в двух планах. Во-первых, в ситуации подчинения и господства, сложившихся между правительством и факультетами, обязанными давать советы «практическим деятелям для публичного изложения»¹⁰. Во-вторых, в ситуации возможности относительной самостоятельности факультетов. Последняя позволяет Канту ставить вопрос о свободе, которая может иметь место применительно к философскому факультету. Причем это применение осуществляется для пользы самого правительства, ибо «без строгой проверки и возражений (со стороны философского факультета. — М.С.) у правительства не будет достаточно ясного понятия о том, что ему самому полезно или вредно» (СФ. 333). Очевидна проблема — лучшая практическая жизнь людей требует наилучшего управления со стороны правительства. Но задачи, которые необходимо решать, могут быть известны правительству только из свободных суждений философов. Таким образом, Кант показывает, что оппозиционная партия («левое крыло»), которая представлена в университетском сообществе философским факультетом, существует в интересах самого правительства. Свобода проявляется в свободе воззрений, которые должны быть обнаружены, т.е. высказаны перед ученой публикой (а не

перед простым народом, не разбирающемся в научных истинах), состоящей из представителей всех других факультетов университета: богословского, юридического и медицинского.

Однако почему не перед народом? Народ для Канта, очевидно, есть некая мощная, косная, несвободная сила, являющаяся объектом для соревнования факультетов. Собственно, спор факультетов, по Канту, ведется «за влияние на народ» (СФ. 327). Позволю себе предположить, что исследование человека в кантовской антропологии было инициировано желанием подробнее понять разнообразие прагматики поведения людей в их повседневной жизни, так сказать, представить «народ» в подробностях типов, лиц, свойств и характеров. В «Споре...» Кант отделяет свободного человека, действующего из автономии своей воли на основе разума, от человека «естественных целей». Скорее всего, этими самыми «естественными целями» и руководствуется народ (СФ. 327). «Естественные цели» могут быть реализованы, как видит Кант, в трех вещах. Во-первых, «в блаженстве после смерти»; во-вторых, в том, чтобы «при жизни среди своих близких иметь гарантию своей собственности, основанную на публичных законах»; в-третьих, «в физическом наслаждении жизнью самой по себе (т.е. в здоровье и долгой жизни)» (СФ. 327). Иными словами, «человек как народ» не ставит перед собой цели, которые могут определить его как морально действующее существо. Долженствование таких действий исходит не от народа, а от философа, разрабатывающего теорию антропологии.

Понятно тогда задача антропологии, сформулированная философом — найти те основания, средства и даже рецепты, которые позволят решить задачу воспитания человека как достойного представителя человеческого рода. В заключение своей работы Кант задается вопросом о тех итогах, к которым должна привести антропология, и отвечает на этот вопрос так: «Человек своим разумом определен к тому, чтобы быть в общении с людьми и в этом общении с помощью искусства и науки повышать свою культуру, цивилизованность и моральность и чтобы, как бы ни была сильна его животная склонность пассивно предаваться побуждениям покоя и благополучия, которые он называет счастьем, стать, ведя деятельную борьбу с препятствиями, навязанными ему грубостью его природы, достойным человечества»¹¹.

Осуществлению понимания и дисциплинарного представления этого грандиозного антропологического проекта и посвящена работа «Антропология с прагматической точки зрения»¹².

Кант не был бы Кантом, если бы не определил антропологию, как «учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде» (Ан. 351), т.е. как самостоятельную дисциплину, имеющую человека «как конечную цель» всего предпринимаемого исследования. Кант декларирует: человек есть «самый главный предмет в мире» (там же). В предисловии он разделяет эти знания на физиологическое человековедение — что делает из человека «природа» и прагматическое — что человек «как свободно действующее существо делает или может и должен делать из себя сам» (там же). При этом Кант собирается заниматься прагматической антропологией, однако в тексте работы можно найти немало экскурсов в знание о природных причинах человеческой деятельности.

В Предисловии, как впрочем, и в самом тексте, обнаруживается немало уточнений методологического характера. Кант считает, что прагматической антропология становится тогда, когда «изучает человека как гражданина мира» (Ан. 352). Однако сословные различия, полагает Кант, чинят препятствия антропологу, т.к. ему трудно что-либо умозаключать о «высшем свете» или о «знатных людях». Из этого размышления можно предположить, что Кант имел в виду успешное развитие антропологии в демократически устроенных обществах, где не будет сословных перегородок.

Однако главный методологический ввод состоит в том, что антропология, на взгляд Канта, является эмпирической дисциплиной, основанной на наблюдении (обоснование этого положения рассмотрим ниже). Поэтому «средствами расширения» антропологии могут служить путешествия. Заметим, что Кант считает столицы с университетами и правительственными учреждениями, так же и свой родной город Кёнигсберг, наряду с такими же «маргинальными» большими городами, расположенными между многими странами, городами-портами с обилием приезжих, говорящих на разных языках и пр., весьма «подходящим местом» для расширения знаний о человеке и мире. Из

таких городов можно и не уезжать, все необходимое для наблюдений имеется в них. Именно этого принципа придерживался Кант всю свою жизнь, практически не покидая Кёнигсберг.

Однако чтобы иметь «единицы наблюдения», т.е. знать, на что обращать внимание, антрополог должен иметь «предшествующее знание», полученное среди собственных сограждан. Этот «план» (так его называет Кант) базируется на общем знании, которое «всегда идет впереди локального знания» (Ан. 353). Понятно, что общее знание должно быть систематизировано, чему служит философия, она и «направляет» общий план исследований; без него в антропологии будут копиться лишь «разрозненные сведения», которые не «дадут науки» (там же).

Так же как Ф.Бэкон в начале XVII в. описывал призраки, корнящиеся в человеческой природе и мешающие приобретению достоверного знания, Кант рассматривает три препятствия, являющиеся помехой для создания антропологии как науки. Во-первых, это — проблема, как мы бы сейчас сказали, психолого-коммуникативная и состоит в невозможности открытым способом наблюдать за человеком, ибо он это чувствует и, следовательно, будет или смущаться, или притворяться. Иными словами, истинное знание о нем получить будет невозможно. Во-вторых, самонаблюдению человека мешает аффективная сторона его природы. Человек в чувственно возбужденном состоянии не может сделать себя объектом наблюдения, а тогда, когда он способен заняться самонаблюдением, состояние аффективности уже проходит. В-третьих, Кант, так же как и Бэкон, не любит «привычку, вторую натуру человека», полагая, что действие привычек (условия места и времени, принадлежность к своему сообществу и пр.) не позволяют человеку увидеть разнообразие всего человеческого мира.

Но есть и реальные «помощники» для создания антропологии как самостоятельной науки, которая должна иметь свое место среди других уже оформившихся к тому времени наук, с одной стороны, и искусств, прежде всего, литературы, с другой: «...для антропологии могут быть полезными всеобщая история, биографии, даже драмы и романы, хотя и не в качестве источников, а в качестве вспомогательных средств» (Ан. 353).

Кому же адресована антропология? Насколько можно понять Канта, это — достаточно популярная наука, которую можно предложить читающей публике и не ограничивать ее университетскими рамками. Более того, в заключение Предисловия Кант выдвигает чрезвычайно интересное и видимо возможное в реализации предложение. Приведем большую цитату, т.к. она важна для его прояснения, а также для понимания дальнейшего развития этой дисциплины. Антропология «имеет для читающей публики ту пользу, — пишет Кант, — что, перечисляя все рубрики, под которые можно подвести то или иное наблюдаемое человеческое свойство, обнаруживающееся в сфере практического, она дает публике много поводов и оснований, позволяющих посвятить особое исследование каждому отдельному свойству и отнести его к соответствующему разделу; тем самым работы в этой области сами собой могут быть распределены между любителями подобных изысканий и благодаря единству плана постепенно объединены в одно целое, что будет способствовать росту этой общепользующей науки» (Ан. 354).

Две обширных части «Антропологии» Канта разделяются из основной задачи связать философию и антропологию: в первой части задается самый общий план исследования, своего рода теоретический проект, о котором Кант писал в Предисловии, а вторая часть насыщается его наблюдениями, а также имеющимися конкретными знаниями специальных наук.

Первая часть — «Антропологическая дидактика» — имеет подзаголовок: «О способе познавать как внутреннее, так и внешнее в человеке», иными словами, речь идет о некоторых основных общих методологических установках (дидактике), которые позволяют получать знания о человеке. Кант разделяет эту часть на три книги, посвященные соответственно: 1) познавательной способности; 2) чувству удовольствия и неудовольствия; 3) способности желания.

Вторая часть — «Антропологическая характеристика. О способе познать внутренне [состояние] человека из внешнего» — в отличие от первой имеет индуктивный способ построения и наполняется материалом в следующей последовательности: от характера личности (А), к характеру пола (В), к характеру народа (С), далее к характеру расы (D) и характеру рода (Е). Если

раздел о характере личности (А) относительно насыщен антропологическим материалом: речь идет об естественных задатках, темпераменте и его известных типах, об образе мыслей и о физиогномике; то остальные разделы (В, С, D, Е) не имеют столь подробных делений, «собирая» постепенно человека в единый человеческий род, имеющий свою основную моральную человеческую задачу соединения автономного человека и его миссии быть гражданином мира.

Последовательность человеческих способностей, представленных в кантовской «Антропологии...», можно рассматривать как методологическую схему, своего рода аналитический проект, предлагающий выход за пределы тех философских объяснений XVII—XVIII вв., основой которых были классификации природных человеческих аффектов¹³. Нас будет далее интересовать первая часть первой книги «Антропологии...» для того, чтобы более подробно представить методологическую пропедевтику (дидактику, словами Канта) к построению всей антропологии как прагматической науки. Логически эта часть делится внутри себя на те параграфы (§§ 1—38 и Приложение), в которых речь идет о познании человека, основанном на чувственных способностях, и на те параграфы (§§ 40—59), где обсуждается познавательная способность, основанная на рассудке.

Антропология как самостоятельная дисциплина, в кантовском понимании, исходит из рассудочной способности человека. Проводя параллель с «Критикой чистого разума», можно сказать, что антропология явно соотносится с естествознанием как дисциплинарной областью знания. Действительно, человек, обладая познавательными способностями, направляет их на себя, делая из себя объект наблюдения, так же как это происходит с объектами естествознания. Однако Кант оперирует и понятием «внутренне чувство», которое дает человеку представление о тех изменениях, которые с ним происходят. Категория времени, введенная здесь Кантом, также отсылает нас в раздел трансцендентальной аналитики в «Критике чистого разума». Для антропологии, как и для естествознания, важно определить условия возможности познания себя в качестве объекта наблюдения, одним из которых выступает временная длительность. Так же как условием рассудочной деятельности

является трансцендентальное единство апперцепций, так и условием самопознания человека является эмпирическая апперцепция или «внутреннее чувство», «которое содержит в себе многообразие определений, делающих возможным внутренний опыт» (Ан. 365. Прим.). Понятие субъекта для антропологии остается актуальным, ибо позволяет найти условие самотождественности изменчивого человека. Человек осознает перемены, происходящие с ним, только по причине того, что в «различных состояниях он представляет себя как один и тот же субъект». Если форма его представления, как пишет Кант, двояка: через рефлексию и эмпирическое созерцание — «сознание рефлексии» и «сознание схватывания», то по своему содержанию («по материи») оно едино (там же).

Дисциплинарно Кант отделяет прагматическую антропологию от «физиологической». Первая есть теория, которая занимается объяснением сферы «смутных представлений» — результата «игры ощущений». Можно считать, что вторая описывает эти «игры», не говоря об их результатах.

Рассудочная деятельность человека определяет его познавательные способности, структурирование которых позволяет представить их различие, которое обосновывается и дает основания для классификации познавательных свойств человека. Кант за основание этой классификации берет три известных ступени рассудочной деятельности человека: 1) *attention* — способность схватывания данных представлений для созерцаний; 2) *abstraction* — способность отвлечения для образования понятий; 3) *reflexio* — способность собственно познания предмета (Ан. 369). Соответственно, степень развитости этих способностей порождает: 1) «светлые головы», обладающие всеми тремя способностями в превосходной степени; 2) «тупиц», кто одарен ими в малой степени и требует помощи в овладении этими способностями; 3) «гениев» — тех, кто оригинален в применении каждой из этих способностей и готов сам создать то, чему другие способны научиться только под чьим-то руководством; 4) «невежд» — кто не научился тому, чему должен был научиться; 5) «педантов» — людей публичных с «отсутствием свободы» в собственном мышлении (там же, 369—370). Различия в познавательных способностях поз-

воляют Канту говорить о людях здравого смысла и людях науки. Для опытного знания вполне достаточно здравого смысла. Очевидно, здесь и кроется допустимость расширения антропологических знаний посредством наблюдений путешествующих здравомыслящих людей.

Поскольку прагматическая антропология имеет дело с данными опыта, постольку человек в ней представлен только как явление. Внутренний опыт определяется Кантом как «материальное в сознании и включает в себе многообразное [содержание] эмпирического внутреннего созерцания — Я схватывания (следовательно, эмпирическую апперцепцию)» (Ан. 373). Таким образом, объектом антропологии как науки является человек, который познает себя только так, как сам себе является, а не как «вещь в себе», т.е. как объект внутреннего эмпирического созерцания.

Исследование чувственности и ее оправдание, а также выяснение ограниченности как чувственного (излишне «поверхностно»), так и логического (излишне «сухое») познания, определяет особую предметную область антропологии — область «эстетической разработки». Очевидно, следует понимать, что изложение «возможностей в отношении познавательной способности вообще» (§ 12) дает пример именно такой разработки. Кант снова прибегает к классификации человеческих качеств при наличии или отсутствии способностей овладения тем или иным делом: «Нечто трудное делать легким — заслуга; представлять его легким, хотя самому этого не сделать, — обман. Делать то, что легко, не заслуга... Тот, кто все, за что он берется, считает легким, легкомыслен. Тот, кому все, что он делает, дается легко, ловок, так же как тот, у кого всякое дело требует больших усилий, неуклюж...» (Ан. 380—381). Успех дела, которым занят человек, зависит от его темперамента (что такое темперамент, Кант еще будет обсуждать, здесь он пользуется этим понятием для собственных примеров). Привычку Кант определяет как «физическое внутреннее принуждение», которое противоречит моральной ценности дела, сделанного по привычке. Само же разнообразие темпераментов в реализации познавательных способностей в их применении к овладению делом дает разнообразные типы людей. Иллюзия как игра с

«чувственной видимостью», обман, очарованность, отвращение, скука, уважение, вежливость и пр. Кант рассматривает как состояния «дозволенной моральной видимости».

Подробный анализ Кантом всех пяти внешних чувств, а затем и внутреннего чувства, механизмов их изменений, характера интенсификации чувств, функционирования воображения и способности человека к творчеству, а также понимание памяти, предвидения и дара предсказания завершает исследование познания из чувств. В параграфах, посвященных этим вопросам, Кант сочетает дефиниции понятий с разнообразными примерами, почерпнутыми из книг и касающимися проявлений способности воображения, памяти, фантазии и т.п. у людей с разными темпераментами.

Переходя к познавательной способности, основанной на деятельности рассудка, Кант, как известно, дает это понятие несколько в ином смысле, чем в «Критике чистого разума». Здесь рассудок как способность мыслить расширен до трех связанных между собою процедур: 1) собственно рассудочной деятельности, как подведение многообразия опыта под понятия: способность рассудка «давать правила»; 2) способностью суждения — нахождение связи («особенного») между понятиями; 3) способностью разума «судить по основоположениям и (в практическом отношении) поступать по ним» (Ан. 438). Понятия разума — идеи, которые не имеют никаких прямых соответствий ни в предметах, ни в чувствах. Идеи — «понятия о совершенстве, к которому можно, правда, приближаться, но которого никогда нельзя полностью достигнуть» (Ан. 439).

Эти дидактические положения позволяют сформулировать «предписания», на основании которых Кант определяет человека как автономное существо, однако способное осуществить свою автономию только среди себе подобных автономных субъектов. Вот эти предписания: 1) мыслить самому; 2) мыслить себя (в общении с людьми) на месте другого; 3) всегда мыслить в согласии с самим собой (Ан. 471). На основании этих правил Кант различает умения людей в зависимости от возраста: 1) к 20 годам — умение осуществлять любое намерение (из умения мыслить самому); 2) к 40 годам — умение использовать других людей для своих целей (из мышления себя в общении с други-

ми); 3) к 60 годам — мудрость в понимании всех глупостей первых двух периодов (мыслить в согласии с самим собой). Иными словами, есть надежда, что среди «народа» эти предписания могут реализовываться лишь после 60 лет.

Различия в умственных способностях — обладание остроумием, проницательностью, точностью — позволяют различить здоровых и больных людей. Это люди, способные пользоваться своим рассудком в высшей степени «блестяще» (термин Канта), т.е. гении, и не способные применять правило в рассудочной деятельности (в том числе душевнобольные), или обладающие «слабой» рассудочной деятельностью, которая может привести к недееспособности (см.: Ан. 448—449). Кант рассматривает категорию людей (дети и женщины), которые не способны быть дееспособными в гражданских делах, однако «основанная на законах недееспособность в общественных делах делает женщину более влиятельной в делах домашнего обихода...» (Ан. 449). Но речь идет не только о женщинах и детях. Главы государств, называя себя «отцами страны», лучше, чем их подданные, знают, как сделать их счастливыми, но это ведет к тому, что «народ для своего собственного блага осужден на постоянную недееспособность» (Ан. 449). Та же недееспособность характеризует народ, не без иронии пишет Кант, «в решении вопроса о своем пути к Царству небесному» (Ан. 450). За него решает духовенство. И даже ученый, погруженный в книги, совершенно недееспособен в повседневных вопросах, а перекладывает их, в свою очередь, на плечи жены.

Отсутствие способности суждения ведет к глупости. Заметим, что Кант на протяжении всего текста многожды указывает на этот, по всей видимости, распространенный среди людей недостаток. Он подходит к данному вопросу как исследователь, который желает определить, отличить и ограничить термин. «Глупец», «дурак», «дурочка», «высокомерный человек», «франт» или «фат» — такова галерея людей со здоровым, но несамостоятельным сознанием. Но Кант также рассматривает и медицинскую сторону вопроса, т.е. дает краткую характеристику душевным болезням, которые он систематизирует в соответствии с уровнем знаний того времени.

Превосходные способности в познавательной деятельности человека, которые зависят не от обучения, а от наделения ими человека самой природой, Кант называет талантом и рассматривает его в трех видах: как продуктивное воображение, как проницательность и как оригинальность мышления. Последнее качество, проявляемое в познавательной способности человека, именуется гением. Его реализация происходит, согласно Канту, в сфере творческого воображения, но не только тогда, когда человек что-то знает, но и когда умеет сделать (является мастером своего изобретения). Однако абсолютную свободу от правил, которым человек должен обучиться еще в школе, давать гению невозможно, ибо тогда, увлеченный своим воображением и не сдерживаемый ничем, природный гений может впасть в оригинальное безумие. Канту важно, чтобы открытия гения могли стать образцом для подражания остальным людям. Но оригинальное безумие не дает образцов, кроме того, создание предмета должны быть согласовано с его идеей. Скорее всего, не случайно, описывая «гения», Кант вспоминает Леонардо да Винчи. Возрожденческая творческая личность угадывается в этом описании оригинальных познавательных способностей человека как высший образец ее осуществления (Ан. 466–469).

Завершает первую книгу самоцитирование Канта из работы «Ответ на вопрос: “Что такое просвещение?”». Кант усиливает значение просвещения, определяя ее как «важнейшую революцию» во внутреннем мире человека, смысл которой остается вполне актуальным и сегодня: человек «решается самостоятельно идти вперед на почве опыта», осторожно добавляя «хотя еще не твердо». Собственно вторая часть «Антропологическая характеристика. О способе познавать внутреннее [состояние] человека из внешнего» и указывает этот путь самостоятельного движения человека к воспитанию в себе и в своем образе жизни основных черт, присущих человечеству как роду. Однако для того, чтобы этот анализ базировался на полностью исследованных «внутренних» качествах человека, Кант завершает первую часть «Антропологии» подробнейшим анализом чувств удовольствия/неудовольствия (Книга вторая, Ан. 472–495) и способности желания (Книга третья, Ан. 496–530).

В третьей книге подробно исследуются аффекты и страсти, действующие в человеческой природе, и выясняется вопрос, что есть высшее физическое благо и моральное счастье. Выступая почти как проповедник в соответствии с «духом» протестантской этики, но не прибегая к риторическим фигурам, Кант полагает, что здоровое физическое состояние человека появляется во время отдыха после работы. Лениность, трусость и фальшивость есть пороки, но их действия иногда способствуют сохранению человечества (если бы, к примеру, все были абсолютно бесстрашны, то во взаимной войне человеческий род давно бы самоуничтожился). Естественные побуждения — любовь к жизни и половая любовь — способствуют сохранению человека как индивида и как рода, и способности привести человечество к основанию всеобщего мира.

Кант настаивает на понятии «высшее морально-физическое благо», в котором нераздельно существуют и физическое, и моральное наслаждение. С поистине возрожденческой легкостью и в стилистике Ренессанса он находит пример для понимания этого нерасторжимого единства, в котором благополучие сочетается с гуманностью. «Хороший обед в хорошем обществе», состоящем не более чем из 10 человек и хозяина стола с приятной застольной беседой, с соблюдением непреложных правил ее организации и определенных нравственных правил для всех участников» (Ан. 526) — вот демонстрация высшего вкуса (*sapio* — с латыни и «вкус», и корень слова «мудрость», «разумность»). «Содействовать» общительности, иметь хорошие манеры — все это движение человека по направлению к добродетели и гуманности, как абсолютным общечеловеческим ценностям.

Итак, во второй части книги анализируется человек от своего единичного состояния через ряд особенных (пол, народ, раса) к всеобщему — человеку как человеческому роду. Характер последнего Кант определяет, исходя из «опыта всех времен и всех народов» и осозная все противоречия его составляющие. Характер рода определяется множеством лиц, «существующих в разное или в одно и то же время» и обладающих следующими противоречивыми признаками: 1) необходимостью мирного общения, но и постоянного противодействия друг другу; 2) необходимостью объединения, но и угрозой разлада;

3) взаимным принуждением через законы, устанавливаемые самим и для себя (Ан. 586). Кант отдает себе отчет, что движение человечества ко всемирно-гражданскому обществу основано не на «конститутивном», а на «регулятивном» принципе, который позволяет определять человеческий род «не как злой, а как род разумных существ, стремящийся подняться от зла к добру и постоянно двигаться вперед, преодолевая различные препятствия» (Ан. 588). Очень осторожно Кант говорит о том, что воля человеческого рода — «в общем добра», но на основе свободного соглашения «отдельных людей» исполнить эту добрую волю нет возможности (возражение оптимизму «общественного договора»). Кант возлагает надежды на усилия «организации граждан земли внутри [нашего] рода для создания системы, «объединенной космополитически» (Ан. 587—588), но при этом подробнее в практической антропологии не пишет о том, какая эта может быть система и как ее можно создать.

Завершая анализ «Антропологии...» нужно сказать, что эта новая дисциплина могла предназначаться, в том числе, в качестве руководства для рефлексивной работы человека над самим собой в целях обретения самостоятельности и саморазвития. Ее эмпирический, практический характер, следующий дидактическим основаниям кантовской философской системы, выполнял посредническую роль между политическими, правовыми и гражданскими институтами и развитием отдельного человека. Во всяком случае, если бы Кант сформулировал известным образом вопрос: «Как возможна антропология как наука?», то ответ на него — вся первая часть работы, доказывающая необходимость автономии человека. Условия ее возможности и необходимости легли в основание антропологии как нового дисциплинарного знания в складывающейся конце XVIII — начале XIX в. системе наук.

Примечания

- ¹ *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 661.
- ² *Кант И.* Указ. соч. Т. 2. С. 206.
- ³ Об этом подробнее: *Соловьев Э.Ю.* Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 41.
- ⁴ В поздней работе, о которой далее еще будет речь, Кант ставит знак равенства между «способностью судить автономно сообразно с принципами суждения вообще» и разумом (*Кант И.* Спор факультетов // *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 324).
- ⁵ *Кант И.* Метафизика нравов // *Кант И.* Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 386–387.
- ⁶ Кант объяснил его так: «До сих пор считали, что все наши знания должны сообразоваться с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, — а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны. Здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли большого успеха, предположив, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя» (*Кант И.* Указ. соч. Т. 3. С. 87). Собственно, «коперниканский переворот» — осознание методологической проблемы — изменение точки зрения, обращающей внимание не на предмет познания, а на познающего его субъекта, чтобы выяснить, *как субъекту* этот предмет дан в познании.
- ⁷ Надо сказать, что в собрании трудов Канта есть небольшое письмо административного свойства, в котором обнаруживается живейший интерес лектора к дисциплинарному порядку курсов читаемых им лекций: «Уведомление о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 гг.» (*Кант И.* Указ. соч. Т. 2. С. 277–289). В нем не идет речь об отношениях между факультетами, но предметный характер наук и порядок их преподавания студентам обсуждается во всех подробностях.
- ⁸ *Калинников Л.А.* О «Споре факультетов» как итоге: профессорско-педагогическом, философско-мировоззренческом, валеолого-диететическом // *Кант И.* Спор факультетов. Калининград, 2002. С. 6.

- ⁹ Вопрос о том, насколько связаны или не связаны разные аспекты кантовского воззрения на человека здесь обсуждаться не будет. См.: *Перов Ю.В.* Антропологическое измерение в трансцендентальной философии Канта // *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения. СПб., 2002. С. 3–128.
- ¹⁰ *Кант И.* Спор факультетов // *Кант И.* Указ. соч. Т. 3. М., 1966. С. 332. Далее ссылка в тексте в скобках: СФ и цифра, обозначающая страницу.
- ¹¹ *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // *Кант И.* Указ. соч. Т. М., 1966. С. 578. Далее ссылки на это издание в тексте в скобках с сокращением Ан. и указанием страниц.
- ¹² Анализ этой работы имеет не очень большую библиографию, часть которой мы здесь приводим. Однако интерес к данной работе с точки зрения формирования антропологии как дисциплины не является в этих работах специальным предметом исследования. См.: *Jörissen B.* Antropologische Hinsichten, pragmatische Absichten/Kant und die “Chicago School” // *Paragrana*. 11(2002); *Brandt R.* Kritischer Kommentar zu Kants Antropologie in pragmatischer Hinsicht (1789). Hamburg, 1999; *Böhme G.* Antropologie in pragmatischer Hinsicht. Darmstädter Vorlesungen. Fra/M., 1985.
- ¹³ *Киселева М.* Знание о человеке в философии Возрождения и Нового времени: методология додисциплинарности // *Человек вчера и сегодня: междисциплинар. исслед.* М., 2008. С. 31–32.